

ДАЙСКЭ ХАРАДА: «РОССИЯ СОЗДАЕТ «ГАЗОВЫЙ ОПЕК»»

Конфигурация газового рынка меняется. Чтобы узнать, какие трансформации видит крупный покупатель газа как Япония, «Нефтегазовая Вертикаль» поговорила с директором проектов, экономистом Отдела исследований и анализа Группы проектов «Россия» Японской национальной корпорации нефти, газа и металлов (JOGMEC) Дайскэ Харада.

НГВ: *Что Вы думаете о подписанном между Россией и Ираном меморандуме о взаимопонимании по сотрудничеству? Рамочное соглашение включает в себя проекты, стоимость которых оценивается в \$40 млрд. Это разработка газовых месторождений Киш и Северный Парс, повышение давления на месторождении Южный Парс, разработка шести нефтяных месторождений, завершение проектов СПГ, свопы по газу и продуктам переработки, строительство экспортных газопроводов и другое научно-техническое сотрудничество.*

Д. Харада: С одной стороны, Иран был своего рода потенциальной угрозой для России, мощным конкурентом, особенно на европейском рынке. Возможность поставок природного газа из Ирана в Европу увеличилась благодаря иранской ядерной сделке. Но, поскольку после выхода США из СВПД и восстановления санкций план трубопровода из Ирана в Европу не реализуется, эта угроза для России не кажется насущной. С другой стороны, Россия является вторым по величине инвестором в нефтегазовый бизнес Ирана после Китая. С 2015 года, после

подписания и согласования ядерной сделки с Ираном, Россия активно пытается участвовать в разработке иранской нефти и природного газа совместно с Иранской национальной нефтяной компанией (НИОС). Тем не менее большинство проектов и планов согласованы на уровне меморандума о взаимопонимании и остаются на таком же уровне, без дальнейшей реализации. За последние четверть века между обеими странами было подписано не менее 10 меморандумов о взаимопонимании и четыре деловых контракта. Можно сказать, что они были согласованы не с деловой целью, а с политической. Вероятно, Россия заключала эти меморандумы с целью собрать данные, понять ситуацию с разработкой природного газа и, в конечном итоге, получить контрольные пакеты проектов по добыче природного газа в Иране. Хотя упомянутые соглашения на сумму \$40 млрд стали бы крупнейшими по сумме для обеих стран, но они имеют скорее символическое значение. Кроме того, визит Путина в Иран состоялся сразу после поездки Байдена на Ближний Восток, поэтому у российско-иранских переговоров была очевидно и демонстративная цель. У Ирана также есть цель сделать Россию своим союзником в текущих ядерных переговорах. Дальнейшие шаги будут зависеть от заинтересованности ЕС в Иране в качестве нового источника поставок вместо России, от перспективы ядерных переговоров, а также от степени осуществления инвестиций российскими организациями.

НГВ: *Каким образом это партнерство может повлиять на мировой рынок?*

Д. Харада: На данный момент нечего сказать о влиянии на мировой рынок. В силу того, что обе страны стремятся к разработке иранской нефти и газа и к снятию санкций, в конечном итоге Россия должна будет позволить Ирану забрать часть доли своего рынка. Сотрудничество России и Ирана в сфере разведки и добычи началось в 1997 году, но пока мы не видим существенных и плодотворных результатов, потому что РФ пока сама не уверена, позволит ли она Ирану выйти на мировой рынок.

НГВ: *Насколько реально реализовать задуманные планы в текущих условиях?*

Д. Харада: Вопрос в том, выйдут ли меморандумы о взаимопонимании на уровень денежных контрактов. У перечисленных проектов есть бизнес-потенциал (правда, конкретные детали сделки не анонсированы). И мы не знаем, кто конкретно собирается вкладывать такие огромные инвестиции и как распределены доли. Если такие инвестиции не будут сделаны, проекты не будут запущены. Учитывая текущую международную ситуацию и финансовое положение каждой страны, маловероятно, что обе стороны решат серьезно потратить \$40 млрд на разведку и добычу в Иране.

НГВ: *Сохранит ли США лидерство по экспорту СПГ в Европу? У кого есть реальные перспективы стать крупным поставщиком СПГ в мире?*

Д. Харада: Да. По иронии судьбы, решение России и ЕС разрушить свои более чем полувековые взаимные энергетические связи теперь приводит к тому, что ЕС находится в энергетической зависимости от США. Относительно низкая цена на Henry Hub, а также своеобразная либеральная отраслевая и контрактная схема в проектах Gulf LNG привлекательны для рынка ЕС (хотя российский трубопроводный газ явно дешевле). В условиях необычайно высоких цен в настоящее время США постепенно наращивают инвестиции в разработку сланцевой добычи. Некоторые прогнозы показывают, что к 2024 году добыча нефти и газа в США может увеличиться еще на 20%.

Помимо США есть еще три перспективных, с точки зрения поставок СПГ, регионов для новых поставщиков СПГ: Катар, Восточная Африка и Канада. Поскольку Катар недавно объявил о выборе иностранных партнеров для расширения Северного месторождения, чтобы увеличить текущую производственную мощность (до 126 млн тонн в год), он, без сомнения, станет центром мирового рынка СПГ в среднесрочной перспективе.

НГВ: *Сможет ли Саудовская Аравия стать к 2030 году крупным поставщиком газа?*

Д. Харада: Нет. В то время как разведанные запасы природного газа Саудовской Аравии занимают 8 место в мире, на том же уровне, что и у страны-экспортера СПГ ОАЭ, ее доля на глобальном рынке составляет всего 3,2%. Компания Saudi Aramco недавно объявила, что месторождение Джафура вступает в стадию разработки, а также, что стремится выйти на мировой газовый рынок. Однако компания уже столкнулась с множеством препятствий, а ее запасов не хватает даже на удовлетворение внутренних потребностей в газе.

НГВ: *Получится ли у ЕС заполнить свои газовые хранилища в необходимом объеме на зиму? При каких условиях?*

Д. Харада: Ключевой для ЕС вопрос, к сожалению, заключается в том, сколько Nord Stream поставит природного газа в Европу. Несколько мер, реализованных в рамках REPowerEU, дополнительные соглашения о поставках (например, договоренность о допоставках 15 млрд кубометров из США в ЕС к концу 2022 года) и действия ЕС по экономии газа (сокращения на 15% относительно среднего потребления за пять лет) также важны, но недостаточны, чтобы покрыть спрос зимой. Похоже, Россия хорошо понимает, насколько важен «Северный поток» для ЕС, и именно поэтому Россия (подразумеваем «Газпром») предпринимает действия по контролю над объемом его поставок под предлогом санкций. Мы прогнозируем, что если эксплуатационная мощность Nord

Stream будет оставаться ниже 40%, подземные хранилища газа не смогут заполниться к зиме, что приведет к дефициту газа в Европе примерно в марте 2023 года.

НГВ: *Каким образом сегодня складывается ценообразование на рынке газа? Какие новые тренды вы видите в этой системе?*

Д. Харада: Сейчас мы наблюдаем чрезвычайно высокий уровень цен на природный газ. Это просто аномалия, и долго она не продлится. Текущие ценовые уровни слишком высоки, что делает газ неконкурентоспособным по сравнению с другими источниками энергии.

Мы должны посмотреть, какие факторы вызвали несколько скачков цен за последние два года. Первый прыжок был в январе 2021 года в JKM (Japan Korea Marker) (\$32,5 за млн БТЕ). Это было вызвано тремя причинами: частые проблемы с заводами СПГ, производство на которых сократилось на 25%, заторы в Панамском канале и прогноз холодов в Азии. Второй скачок был в октябре 2021 года в JKM (\$56,3) и TTF (виртуальная торговая площадка в Нидерландах) (\$34,4). Возникли сложности как со стороны предложения, так и со стороны потребителей. По части спроса можно выделить пять проблем: нехватка ветровой энергии летом в ЕС и, соответственно, нагрузка на тепловые станции, нехватка угля в связи с китайско-австралийским конфликтом, резкое восстановление спроса на природный газ после COVID-19, рост цен в EU-ETS (система торговли выбросами в ЕС), что вынуждает переходить с угля на природный газ, поставки СПГ в Азию, что отражает рост JKM. Со стороны предложения на рост цен повлияли три фактора: сокращение поставок природного газа из Норвегии, проблемы с заводами СПГ и неопределенность с зимним хранением газа, эти проблемы были в основном в Европе. Третий скачок был только в Европе, в декабре 2021 года (\$60,7 в TTF), вызванный информацией о том, что «Северный поток-2» будет приостановлен как минимум до лета следующего года, пока он не получит разрешение на эксплуатацию. Четвертый геополитический скачок произошел в марте 2022 года в JKM (\$84,8) и TTF (\$72,3) – примерно через две недели после начала спецоперации – из-за информации о том, что США и другие страны введут санкции за запрет импорта энергоресурсов. Эти причины роста цен не являются привычными факторами, которые мы видели на рынке.

Но сейчас мы наблюдаем совершенно новый тренд, которого раньше не было. Теперь мир признает, что Россия – единственная страна, имеющая дополнительные мощности по добыче природного газа. И Россия тоже это понимает и начала использовать ситуацию, чтобы контролировать уровень цен за счет снижения объемов экспорта в Европу. Иными словами, Россия создает «Газовый ОПЕК» (правда, членом является только Россия) и начинает активно вмешиваться в рынок природного газа.

НГВ: *Как Вы оцениваете ценовую конкуренцию в покупательской способности Европы и Азии? Чем выгодна Азиатская формула ценообразования, привязка цены на газ к ценам на нефть? Сохранится ли подобная модель?*

Д. Харада: В то время как торговля СПГ по-прежнему остается проблематичной из-за необходимости огромных инвестиций и требований к специальной схеме транспортировки, которая также требует затрат, количество free LNG cargos (без указания пункта назначения и где CIF оплачивает кто-то из сторон – продавец или покупатель) в последние десятилетия постепенно увеличивается. Они действуют как мосты торговли СПГ между Азией и Европой, устанавливают новые связи и расширяют рынки, что позволяет предоставить продавцам рыночные альтернативы для выбора в соответствии с уровнями цен каждого рынка. Я думаю, что нет смысла сравнивать ценовые формулы и схемы контрактов между рынками. Европейские покупатели изменили формат своих контактов с долгосрочных на спотовые примерно с 2010-го по 2012 год. В 2020 году такие покупатели получили огромную прибыль от падения спотовых цен (\$1,2 в мае), но теперь они пострадали от подобной схемы. Удобно, что есть много индексов, которые мы можем выбрать: JKM, HH, TTF, привязку к сырой нефти, к углю, привязку к сырьевым товарам, а также найти точки пересечения в формулах. Но в любом случае, самое важное в ценообразовании на СПГ в том, что можно диверсифицировать формулу, индексы и условия контракта.

НГВ: *Каким образом будет меняться энергобаланс стран Европы и Азии?*

Д. Харада: С одной стороны, конференция COP26 стала важным событием, поскольку является символом глобального единства в контексте декарбонизации. С другой стороны, это также и повод задуматься над перспективами расширения круга заинтересованных, поскольку мы не видим других стран, которые поставили бы цели углеродной нейтральности (CN) после этого мероприятия. На данный момент более 80% стран установили цели CN на период с 2045-го по 2070 год. А остальные, 20% стран Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока, все еще находятся на стадии рассмотрения, должны ли они присоединиться к этой очень дорогой игре тысячелетия. Хотя на данный момент эти 20% составляют меньшинство, прогноз ООН по росту численности населения показывает увеличение с 8 млрд до 10 млрд в 2058 году, что произойдет в основном за счет этих 20% стран.

Флагман декарбонизации, энергетический баланс Европы будет точно отражать отказ от ископаемого топлива и показывать увеличение безуглеродных источников. Во время перехода возникнут трудности, такие как неопределенность в отношении атомной энергетики, спрос на природный газ в качестве переходной энергии и источ-

ника водорода, неравенство стран-членов ЕС и т.д. В Азии, напротив, не все страны движутся в одном направлении к декарбонизации, даже несмотря на то, что некоторые страны поставили цели в отношении СН. В дополнение к переходу на природный газ, дешевый уголь будет по-прежнему играть важную роль в энергетическом балансе некоторых стран с высоким потреблением.

НГВ: *Что вы думаете о перспективах строительстве газопровода из Израиля с месторождения Левиафан на юг Европы? Реально ли этот проект? На что он может повлиять?*

Д. Харада: В январе 2020 года, вскоре после начала добычи на газовом месторождении Левиафан, президент и премьер-министры Греции, Кипра и Израиля встретились и договорились о FID (финальное инвестиционное решение) к 2022 году и запуску к 2025 году Восточно-средиземноморского трубопровода (EastMed). Хотя месторождение Левиафан и другие открытые газовые месторождения огромны, они не могут заменить объемы Западной Сибири. Однако нет сомнений в том, что месторождения играют роль в повышении энергетической безопасности как в регионе, так и за его пределами, привлекая внимание особенно со стороны ЕС во время украинского кризиса. В настоящее время добытый газ реализуется на внутреннем рынке Израиля, Иордании и Египта. В Левиафане достаточно исходных и потенциальных за-

пасов, и дополнительный экспорт в Европу может быть реальным. Есть два пути: один – это новый трубопровод EastMed, а другой – транспортировка СПГ, произведенного на существующем заводе в Египте. В 2017 году ЕС оценил стоимость этого трубопровода, протяженностью 1900 км и пропускной способностью 10 млрд кубометров в год, в шесть миллиардов долларов. Чтобы этот проект реализовался, необходимо решить две проблемы: понять – будет ли цена на газ после транспортировки по морскому трубопроводу в Южную Европу конкурентоспособной, и смогут ли страны, расположенные по маршруту трубопровода, дать разрешение на строительство. Последнее особенно связано с военным союзом Турции и Ливии, повлиявшим на управление морскими границами соседних государств Кипра и Греции, не согласных с турецкой позицией по данному вопросу. В противном случае, я полагаю, экспорт СПГ через Египет более реален для проекта в настоящее время.

НГВ: *Каковы позиции Турции на газовом рынке? Достаточно ли у них технологических мощностей и политической воли для реализации амбициозных планов? Или все-таки они могут взять на себя роль посредника в продажах газа?*

Д. Харада: ТРАО (Турецкая нефтяная корпорация) открыла газовое месторождение Сакарья на сверхглубокой воде (глубина: 2115 м) Черного моря в августе 2020 года.

Президент Эрдоган подтвердил, что начало добычи ожидается в первом квартале 2023 года, а суточное производство достигнет своего пика на уровне 40 млн кубометров (14,6 млрд кубометров) в 2026 году. Это покроет 25% внутреннего спроса Турции. В июне 2023 года в Турции пройдут всеобщие и президентские выборы. Также 2023 год – это столетие со дня основания страны. Ожидается, что с учетом этих политических факторов и с целью поднятия патриотизма успех в Сакарье станет одним из важных символов. Но есть несколько вопросов. Сможет ли ТРАО разрабатывать глубоководное месторождение в одиночку без крупных нефтяных компаний? Будет ли стоимость добычи соответствовать требованиям внутренней цены Турции, а также будет ли добытый газ конкурентоспособен в случае экспорта в сравнении с продуктами «Турецкого потока» и TANAP?

НГВ: 26 июля Иран анонсировал решение исключить доллар из торговых расчетов с Россией. Также это будет касаться торговли с Китаем, Индией, Турцией. Каким образом это решение может повлиять на курс доллара? Не рассматривает ли Япония подобные расчеты как вариант оплаты за энергоносители? К каким последствиям могут привести подобные изменения в товарно-денежных отношениях?

Д. Харада: Объем экспорта сырой нефти из Ирана занимал всего около 1% мировой торговли нефтью. Если бы Иран заменил все торговые операции с применением валют с доллара на другие, влияние на доллар как на самую сильную мировую валюту было бы ограниченным. Хотя Иран решил исключить доллар из торговли между Россией, он по-прежнему остается значимой валютой и инструментом для Ирана и сохранит за собой часть торговых операций.

Сотрудничество России и Ирана в сфере разведки и добычи началось в 1997 году, но пока мы не видим существенных и плодотворных результатов, потому что РФ пока сама не уверена, позволит ли она Ирану выйти на мировой рынок

Около 15 лет назад, еще до того, как были введены нынешние жесткие санкции США, Иран сделал запрос на совершение сделок с Японией с использованием японской иены. И какое-то время это работало. В то время (в 2007 году) Япония была крупнейшим импортером иранской сырой нефти, а доля Ирана на рынке сырой нефти в Японии была третьей по величине. Следует отметить, что таких примеров уже было несколько. Однако, надо понимать, что тенденции по исключению доллара из существующей торговли не являются благоприятной ситуацией для США.

НГВ: Где Япония собирается закупать СПГ в этом году и в последующие годы? В каком объеме?

Д. Харада: В первом полугодии 2022 года импортерами СПГ для Японии являются: Австралия (42,2%), Малайзия (15,7%), Россия (9,9%), США (5,6%), Папуа-Новая Гвинея (5,3%), Бруней (4,7%), Индонезия (4,4%), Катар (4,1%), Оман (4,1%), ОАЭ (2,0%) еще семь стран (общей долей 2,2%). Объем импорта на конец июня составляет 37,5 млн тонн. В 2021 году страна закупила 74,3 млн тонн топлива. Прогнозируется, что спрос Японии будет постепенно снижаться из-за сокращения численности населения и возможного возобновления ядерной энергетики. Сам объем импорта и страны-поставщики в ближайшие годы кардинально не изменятся.

По иронии судьбы, решение России и ЕС разрушить свои более чем полувековые взаимные энергетические связи теперь приводит к тому, что ЕС находится в энергетической зависимости от США

НГВ: Ждете ли вы поставки СПГ от ИНК и ЯТЭК? Каким образом будут осуществляться поставки?

Д. Харада: Как вы знаете, у ЯТЭК есть концепция экспорта СПГ – транспортировка природного газа из Восточной Сибири (Якутии) по трубопроводу протяженностью 1300 км и строительство завода СПГ (18 млн тонн в год) в Аяне на Охотском море. ИНК также продвигает монетизацию своих богатых ресурсов природного газа, сосредоточившись на газохимическом проекте, а не на СПГ. В целом российские пограничные проекты по разведке и добыче всегда должны решать транспортную проблему: длительность поставок (как крупнейшая страна в мире) и необходимость платить высокие тарифы для выхода на международные рынки. Участие правительства в различных формах неизбежно для реализации этих проектов. Прокладка нового трубопровода, капитальные затраты на завод по производству СПГ и модернизация порта для экспорта СПГ будут зависеть от того, в какой степени правительство предоставит финансовую поддержку, взяв на себя задачи (например, строительство порта) и даже координацию с «Газпромом» для строительства таких объектов как собственный магистральный трубопровод.

НГВ: Несколько лет назад обсуждался проект газовой трубы в Японию из России. Обсуждение по проекту ведется? Есть ли продвижение в данном вопросе?

Д. Харада: Первая концепция газопровода между Россией и Японией была предложена на 3-м Объединенном экономическом комитете в 1968 году. Поскольку

полномасштабная разработка «Сахалин-1» и «Сахалин-2» началась в 1990-х годах, оба проекта имели технико-экономическое обоснование схемы развития, включая концепцию газопровода. В конечном итоге для экспорта была выбрана схема транспортировки СПГ и в «Сахалин-2» (начало эксплуатации в 2009 году) и в проекте «Дальний Восток» (запуск предполагался примерно в 2027-2028 годах). Причины, по которым идея трубопровода была отклонена, заключаются в следующем: во-первых, после получения первого в мире СПГ с Аляски в 1969 году было построено достаточное количество приемных терминалов СПГ в Японии. Могли возникнуть опасения, что новый трубопроводный газ может вызвать какофонию в газовой промышленности Японии, которую удовлетворяли объемы и цены импорта СПГ. В отличие от ситуации в Европе, в Японии времен холодной войны могла возникнуть своего рода аллергия на то, что импорт советского природного газа по трубопроводу приведет к увеличению геополитических рисков. Несмотря на то, что Советский Союз распался, двусторонние отношения Японии и России были осложнены территориальными вопросами, которые так и оставались нерешенными (без подписания мирного договора) после Второй мировой войны. Вариант СПГ был также привлекателен для трейдеров, что позволило им выйти на мировой рынок морских перевозок. Для России как трубопроводного гиганта, СПГ стал новым рубежом для освоения нового рынка и увеличения своей доли поставок в мире в дополнение к стабильной транспортировке по трубопроводу в Европу.

Для Японии будущее Амурского ГПЗ находится в центре внимания. Ожидается, что мировой рынок гелия будет напряженным

В то время как схема экспорта СПГ была приоритетом для всех заинтересованных сторон, разрушительное землетрясение и авария на Фукусиме в 2011 году в Японии вызвали дебаты в политическом сообществе страны об укреплении энергетической безопасности без ядерной энергии и с обеспечением разумных и стабильных поставок газа, включая концепцию трубопровода с Сахалина.

Кроме того, пересмотр «Газпромом» в сторону увеличения запасов газа «Сахалин-3» в 2016 году также стал положительным фактором для концепции газопровода. В апреле 2017 года, когда премьер-министр Абэ посетил Москву, президент Путин впервые официально упомянул о концепции трубопровода между Японией и Россией на пресс-конференции.

Однако с тех пор в дискуссиях по территориальным вопросам и Мирному договору не было большого прогресса. В мае 2021 года «Газпром» сообщил, что в данный момент они рассматривают не проект трубопровода, а транспортировку СПГ для Японии.

НГВ: *Какие глобальные проекты по переработке газа кажутся вам наиболее привлекательными?*

Д. Харада: Ближний Восток, Россия и Северная Америка будут лидировать в росте мощностей мировой газоперерабатывающей отрасли к 2026 году. Совсем недавно во всем мире было объявлено о дополнительных проектах по переработке газа, таких как Ar Ratawi II (Ирак), Permian Midland (США), Town North (Канада), Huthhe II (Канада) и так далее. Второй по величине регион после Ближнего Востока – Россия. Ожидается, что Амурский ГПЗ с мощностью переработки газа 2,7 млрд куб.

Если эксплуатационная мощность Nord Stream будет оставаться ниже 40%, подземные хранилища газа не смогут заполниться к зиме, что приведет к дефициту газа в Европе примерно в марте 2023 года

футов в сутки начнет работу в 2024 году. В июле ход строительства достиг 86%. Ожидается, что Усть-Лужский газоперерабатывающий завод выйдет на пиковую мощность к 2025 году (4,3 млрд куб. футов в сутки). В настоящее время встает вопрос об этих российских проектах, смогут ли они реализовываться, как планировалось, после начала спецоперации и западных санкций. Кроме того, у проектов есть ряд проблем, такие как смена оператора и ход реализации проекта в Усть-Луге, а также несколько пожаров на строительной площадке Амурского ГПЗ.

Учитывая растущий мировой спрос, недавние уровни цен и основные рыночные факторы, продукция этих заводов (если она будет реализована) будет достаточно привлекательной и востребованной на рынке. Осуществимость каждого проекта в основном зависит от того, насколько высок уровень цен на исходный газ и насколько близко расположен рынок от заводов.

Для Японии будущее Амурского ГПЗ находится в центре внимания. Ожидается, что мировой рынок гелия будет напряженным. Нас интересует, в каком объеме и по какой цене гелий будет отгружаться с Амурского ГПЗ на рынок. Также мы уделяем внимание бесперебойной работе Helium Hub Facility во Владивостоке. Вопрос о том, будет ли российский гелий экспортироваться не только в Китай, но и на рынок Азиатско-Тихоокеанского региона, вызывает наибольшее беспокойство. ❗